

— Гоудань, а Гоудань, вставай. Опоздаем ведь, если сейчас же не поднимешься.

Соседи по комнате дружно закатили глаза. С тех пор как начались занятия, это воркование сопровождало каждое их утро. Чёрт бы его побрал! Сами они, если залёживались, никакой пощады не ждали: их будили пинками или швыряли в лицо мокрым полотенцем, заставляя подскакивать от неожиданности.

А тут — поглядите-ка! — Ван Сюань проявлял прямо-таки ангельскую заботу. Мало того что поднимался ни свет ни заря, чтобы принести из столовой завтрак, так ещё и будил приятеля самым нежным, вкрадчивым шёпотом. Небо и земля! И почему у них нет такого преданного, готового душу наизнанку вывернуть названного брата? Впрочем, из-за этих ежедневных утренних уговоров теперь весь класс знал о домашнем прозвище Ли Кая. Шутки ради парня так и прозвали — «братец Гоудань».

А ведь в классе этот тип держался солидно, исправно исполняя обязанности старосты. Учился он, судя по всему, отменно: без запинки отвечал на любые каверзные вопросы, заслужив искреннее расположение преподавателей. Кто бы мог подумать, что за пределами учебного кабинета этот образцовый ученик превращался в сущего ленивца? Не растолкай его Ван Сюань, он бы, наверное, и до полудня провалялся. Настоящий соня!

Но больше всего раздражала слепая снисходительность его соседа.

«Мой братец Гоудань сейчас растёт, — кротко объяснял Ван Сюань, — а во сне силы быстрее восстанавливаются».

Словно они сами не росли! Всем тут едва перевалило за пятнадцать, но никто почему-то не дрых без задних ног до последнего. Поразительное, несправедливое везение.

Парни завистливо вздыхали и со смесью досады принимались за свою скромную стряпню.

Тем временем Гоудань не спеша выползал из-под одеяла. На то, чтобы натянуть одежду и умыться, у него уходили считанные минуты. Ловкость прямо-таки сверхъестественная. Может, он потому и позволял себе нежиться в постели, что наловчился собираться со скоростью молнии?

Самому Ли Каю не было никакого дела до чужих вздохов. Он подхватил свою миску. Налитая в неё жидкая рисовая жижа вполне могла заменить зеркало — настолько прозрачной она была. Хлёбово, которое лишь по недоразумению звалось кашей, он проглотил в три приёма, закусив крошечным пресным вотоу. Ван Сюань лишь тихонько посмеивался, любуясь этой впечатляющей демонстрацией скоростного завтрака.

— Не наелся, — проворчал Ли Кай, потирая живот, и вполголоса шепнул приятелю: — Через пару дней надо будет раздобыть чего-нибудь посытнее на перекус.

Он вышел во двор к умывальникам. Ополоснуть посуду после пресной водянистой каши — секундное дело: ни жира, ни пригара. Ли Кай мимоходом помыл и плоску Ван Сюаня. Тот привык делать всё тщательно, аккуратно, а аккуратность неизбежно крадя время. Терпения Ли Кая на такие церемонии не хватало — он просто подставил обе миски под мощную ледяную струю из крана, и дело с концом.

Чистая утварь заняла своё место на этажерке в углу у их кроватей. Эту многоярусную полку они с Ван Сюанем раздобыли в прошлое воскресенье. Денег почти не платили — её когда-то списали из уездной библиотеки за ненадобность. Дерево потемнело от времени и обветшало, но держалось крепко; иначе бы её не бросили гнить на рынке подержанной мебели, где на неё никто и смотреть не желал.

Верхняя полка этажерки оказалась чуть выше второго яруса кроватей. Притащив её в общежитие, они её хорошенько отмыли, и Ван Сюань радушно предложил соседям оставлять здесь чашки, палочки для еды и кружки. До этого парни хранили вымытую утварь прямо в тазах под нижними койками. Своё добро, конечно, не пахнет, но всё же держать посуду у самого пола рядом с грязной обувью было как-то не по-людски. Теперь же все вздохнули с облегчением. Когда Ван Сюань заикнулся о том, чтобы немного сдвинуть кровати ради удобства, никто и слова против не пикнул.

В конце концов, полку Ли Кай с приятелем притащили на свои кровные, да ещё и бескорыстно пустили остальных погреться у этого блага цивилизации. Слегка потесниться ради такого дела — сущая ерунда. Польза от этажерки перевешивала любые неудобства: на деревянных ярусах, помимо эмалированных кружек, теперь красовались глиняные баночки с домашними маринадами и соленьями, высвободив уйму места на полу.

Самую верхнюю полку, находившуюся вплотную к его спальному месту, Ван Сюань приспособил под свой плетёный бамбуковый сундучок с вещами и кадку с лекарственными склянками. С пола дотянуться туда можно было разве что на цыпочках, так что за сохранность личных вещей никто не переживал. К тому же теперь они с Ли Каем могли спать спокойно, не боясь среди ночи случайно спихнуть сундуки ногами.

Закинув за плечи холщовые сумки, парни потянулись к выходу. Ван Сюань, как староста комнаты, запер дверь на навесной замок. Ключ теперь всегда оставался у него, и если кому-то требовалось вернуться в комнату раньше времени, приходилось искать его.

За полмесяца совместной жизни ребята притёрлись друг к другу. Крепкой мужской дружбой это ещё назвать было нельзя, но отношения установились вполне приятельские. В таком возрасте сойтись — дело нехитрое. Ван Сюань, обладавший тонким чутьём и внимательным нравом, без труда находил подход к сверстникам. Раньше Ли Кай всегда заслонял его своей широкой спиной, но теперь, когда тот окончательно обленился и потерял всякий интерес к пустой болтовне, все внешние связи легли на плечи его друга.

Благодаря его покладистому характеру и вечной мягкой улыбке конфликтов не возникало. Да и кто бы посмел обидеть этого тихоню, прослышав про тяжёлые кулаки Ли Кая? Тот задира, что в первые дни попытался было проверить Ван Сюаня на прочность, огрёб от его защитника по

первое число. Глухие удары, с которыми кулаки старосты впечатывались в чужие рёбра, до сих пор стояли у свидетелей в ушах — повторять этот опыт никому не хотелось. А побитый парень оказался трусом: даже жаловаться учителям или родителям не посмел, молча проглотил обиду.

Всё началось из-за привлекательного лица Ван Сюаня. Девчонки так и вились вокруг него под предлогом «прояснения сложных тем» и «укрепления революционной дружбы». Разумеется, это не могло не вызвать косых взглядов со стороны парней. Но теперь притихли все: и задиристые мальчишки, и робкие одноклассницы. Кому охота нарываться, если за одной партой с предметом всеобщего обожания сидит суровый староста? Стоило какой-нибудь смелице задержаться у их стола чуть дольше положенного или переспросить что-то во второй раз, как Ли Кай одаривал её таким взглядом, от которого кровь стыла в жилах. Девчонки, и без того туговато соображавшие в точных науках, пугались до смерти и спешили уйти, унося с собой уязвлённое самолюбие.

Зато мужская половина класса была от Ли Кая в полном восторге. Такие отличники-красавчики, как Ван Сюань, у обычных парней всегда сидели в печёнках — ну кому понравится, когда все девичьи взгляды достаются одному? А вот староста — другое дело, настоящий мужик! Своим свирепым видом он надёжно отваживал назойливых девчат, благодаря чему остальные обделённые женским вниманием недотёпы на его фоне внезапно начинали казаться сущими милашками.

Сравнение, как известно, вещь жестокая, но мериться популярностью у противоположного пола с Ли Каем парням очень нравилось — ведь тут они заведомо выигрывали. В остальном же соревноваться со старостой никто не рисковал. К чему позориться, если этот субъект, судя по всему, был силен и в кулачном бою, и в науках?

Школьные будни летели чередой: свериться с расписанием, вытащить учебники, отсидеть урок, лениво черкнуть пару строчек в тетради и перевернуть страницу, едва уловив суть. После утренних занятий — короткая передышка: толпа неслась в общежитие сбросить книги, а оттуда сломя голову мчалась в столовую за своей порцией обеда. Времени на дневной сон не оставалось вовсе. В лучшем случае удавалось посидеть несколько минут с книгой или прикрыть глаза прямо за партой перед началом дневных уроков. Вечером — быстрый ужин и унылая зубрёжка на самоподготовке. Так незаметно пролетал ещё один день.

При такой нагрузке неудивительно, что у Ли Кая вечно сосало под ложечкой. Мало того что порции в столовой были сиротскими, а утренняя бурда больше походила на тёплую воду, так ещё и умственное напряжение сжигало последние калории. Глядя на одноклассников, Ли Кай поражался их упорству. Ребята знали: если отпахать три года, можно поступить в техникум, а через два года получить распределение. Это и была та самая заветная «железная чашка риса» — гарантированная государством сытая жизнь, единственный шанс вырваться из деревни и навсегда изменить свою судьбу. Неудивительно, что соперничество шло не на жизнь, а на смерть. Иные бедолаги не отрывали глаз от конспектов даже во время еды; у Ван Сюаня порой тоже проскальзывал этот фанатичный блеск в глазах. Кое-кто из учеников и вовсе питался раз в сутки, только в обед, а остальное время глушил голодные спазмы сырой колодезной водой.

Не будь у Ли Кая припрятанных денег, вырученных несколько лет назад, он бы тоже сейчас

сидел на одном обеде в день. Размышляя об этом, он лениво прикидывал: не прогуляться ли как-нибудь по окрестностям? Вдруг опять повезёт наткнуться на какого-нибудь милиционера, преследующего преступника, или на щедрого торговца, готового отвалить круглую сумму за помощь?

— Ли Кай... Одноклассник Ли Кай!..

— Гоудань, очнись! Учитель зовёт, — испуганно шепнул Ван Сюань и исподтишка ущипнул приятеля за бедро. Сам же сжался от жалости к собственным пальцам.

«Надо будет вечером мазью ему ушиб смазать».

— Одноклассник Ли Кай, соблаговоли подняться и объяснить классу решение этой задачи, — раздался строгий голос с кафедры. — Опять ворон считаешь на уроке?

— Вовсе нет, учитель, — Ли Кай неторопливо поднялся, сохраняя невозмутимый вид. — Я как раз размышлял над вашим уравнением. Задумался над альтернативным решением, вот и ушёл в себя.

— Вот как? — преподаватель скептически приподнял бровь. — Ну что ж, просвети нас.

Ли Кай бросил беглый взгляд на исписанную мелом доску, затем скользнул глазами по открытой странице учебника. Пары секунд хватило, чтобы ухватить суть. Чётко, без запинки он изложил логику решения, после чего замер, преданно глядя на педагога в ожидании разрешения сесть.

Учитель несколько секунд пристально разглядывал строптивного ученика, после чего медленно произнёс:

— Что ж... логика здравая, ход мысли верный. Ответ правильный, Ли Кай. Но помни: даже при хороших способностях без усердия далеко не уедешь. На уроках нужно слушать преподавателя, а не витать в облаках. Садись.

— Да, учитель. Всё понял, — кротко отозвался тот, изобразив на лице крайнюю степень раскаяния. Выглядел он при этом как образцовый пионер.

Ван Сюань едва сдерживал смех. Уж кто-кто, а его названный брат умел приспособливаться к любым обстоятельствам. Понимая, что его поймали с поличным, и не желая выслушивать долгую нотацию, Ли Кай предпочёл мгновенно капитулировать. Покаянный вид и безупречный ответ лишили учителя всякой возможности разразиться долгой лекцией о дисциплине. Поворчать-то он поворчит, но наказать уже не сможет.

«Братец Гоудань в своём репертуаре. Сколько лет прошло, а он ничуть не изменился».

Склонив голову над тетрадью, Ван Сюань едва слышно прошептал:

— Потерпи ещё немного, Гоудань. Сегодня ведь суббота, завтра выпишься как следует.

— Угу, — буркнул тот в ответ.

Ли Кай и сам понимал, что нужно сосредоточиться, но монотонный бубнёж у доски нагонял непреодолимую скуку. Простую истину, которую можно было изложить за минуту, преподаватель разжёвывал битый час. Это походило на обучение ходьбе: достаточно сказать человеку держаться правой стороны, и дело с концом. Но если начать занудно высчитывать длину каждого шага, угол поворота стопы и точное расстояние до обочины в миллиметрах, любой нормальный человек взвоет от тоски. Вот и у Ли Кая от этой избыточной дотошности мысли мгновенно путались, а взгляд стекленел.

Впрочем, подобным нетерпением страдал только он. Остальные ребята ловили каждое слово учителя, искренне радуясь медленному темпу и бесконечным повторениям — так сложный материал укладывался в головах гораздо надёжнее.

Ли Кай придерживался иного мнения. Он считал, что задача учителя — объяснить общий принцип, дать в руки рабочий инструмент, а дальше ученики должны доходить до всего сами, набивая шишки на практике. Зубрёжка готовых алгоритмов казалась ему бессмысленным насилием над разумом. Задачи на экзаменах всё равно переиначат, и что тогда делать с заученными схемами? Программа средней школы — это вам не начальные классы, здесь объёмы информации росли лавинообразно, и пытаться взять науку голым запоминанием было верхом глупости.

Куда разумнее было ухватить самую суть, ведь, как говаривали мудрецы древности, у тысячи явлений — один корень.

Учитель их, несомненно, был человеком добросовестным и преданным своему делу. Беда заключалась в том, что Ли Каю хватало одного объяснения, чтобы усвоить тему, после чего его деятельный разум пускался в вольное плавание, далёкое от школьных стен.

Сказывались годы, проведённые под началом Настоятеля. Тот с детства приучал Гоуданя к сосредоточению и созерцанию, благодаря чему у мальчика развилась поразительная способность к самообучению и мгновенному схватыванию сути вещей. Он привык размышлять самостоятельно, выстраивая собственные логические цепочки. Обычным же ребятам требовался строгий внешний контроль, терпеливое разжёвывание и постоянные пинки. Никакой ошибки в методах учителя не было, как не было её и в подходе Ли Кая. Просто они принадлежали к разным мирам, о чём Ван Сюань не раз ему напоминал.